

На следующее утро едва забрезжил рассвет. Лю И, пребывая в полудреме, слышал за дверью тихий голос Сяосы. Недовольно вздохнув, он сбросил одеяло и сел на постели.

— Что стряслось в такую рань? Что Ци Цзяню опять от меня нужно?

— Его высочество беспокоится, что во время первого визита к родителям вы погостили всего один день, — почтительно отозвался Сяосы. — Он боится, что вы тоскуете по дому, а потому велел мне воспользоваться прекрасной погодой и проводить вас в усадьбу генерала Лю на пару дней.

Лю И протер заспанные глаза и изумленно уставился в окно.

Увидев тяжелые свинцовые тучи, плотно затянувшие небосвод, он невольно приоткрыл рот. Словно в насмешку над словами слуги, небо расколола мертвенно-бледная вспышка молнии. Следом грохнул оглушительный раскат грома, от которого Лю И невольно вздрогнул.

— И вот это Ци Цзянь называет «прекрасной погодой»?

Сяосы тоже покосился на окно, но даже бровью не повел:

— Весенний дождь дорог как масло, молодой господин. А такой ливень — истинное благословение небес. Стало быть, и погода отличная.

— Ну надо же, — Лю И обреченно вздохнул и покачал головой.

Он намочил полотенце теплой водой, наспех умылся и оделся. Возможность вернуться в отчий дом была для него величайшим счастьем. От радости он даже отказался от завтрака и сразу же поспешил к выходу вместе с Сяосы.

Пока экипаж мерно покачивался на дорожных ухабах, Лю И дремал. Лишь когда колеса зашуршали у ворот родной усадьбы, до него дошло: он вполне мог добраться сам. Зачем Ци Цзянь вообще приставил к нему Сяосы?

В ответ на его недоумение Сяосы лишь почтительно улыбнулся и указал на сундуки в глубине кареты. Юноша пояснил, что, по мнению его высочества, подношения для прошлого визита оказались слишком скромными. Вчера Ци Цзянь получил щедрые дары в императорском дворце и тут же велел погрузить их в карету, чтобы выразить почтение тестю и теще.

"Еще и недостаточно щедрые?"

Лю И мысленно покачал головой, вспомнив прошлые две телеги, доверху забитые парчой и драгоценностями. Он окинул взглядом новые резные шкатулки из дорогого дерева и невольно поцокал языком. Богачи мыслят совершенно иными категориями. От этого брака у него то и дело возникало странное ощущение, будто он пристроился к какому-то невероятно состоятельному покровителю.

Генерал Лю и его супруга несказанно обрадовались внезапному возвращению сына, который, казалось, только вчера покинул отчий дом. Родители с теплыми улыбками провели его в залу, а госпожа Лю немедленно распорядилась, чтобы повара приготовили к обеду все самые любимые блюда Лю И.

Устроившись в гостиной, Лю И принялся уплетать за обе щеки нежные, еще теплые румяные булочки с заварным кремом.

— Отец, — невнятно пробормотал он с набитым ртом.

Озадаченный генерал Лю молча придвинул к нему еще одно блюдо с лакомством.

Наспех проглотив первую булочку, Лю И тут же потянулся за следующей.

— Отец, я все обдумал. Ради безопасности нашей семьи вам с матушкой нужно как можно скорее возвращаться в Западные земли.

Генерал и его супруга замерли, недоуменно переглянувшись.

Лю И не заметил их замешательства. Он задумчиво разглядывал круглый бок булочки, витая в собственных мыслях.

Вообще, вкусы у него были довольно причудливыми. Он терпеть не мог свежее молоко и любые продукты, которые сохраняли его явный вкус или вид, однако обожал выпечку с заварным кремом и жареный прессованный сыр. Вчера на том нелепом «молочном пиру» как раз подавали целое блюдо золотистого сыра. Лю И до сих пор не понимал, какой бес укусил Ци Цзяня: тот наотрез отказался притрагиваться к еде, испортив весь ужин. А ведь угощения были великолепными, просто обидно!

Заметив, что сын помрачнел, госпожа Лю негромко окликнула его:

— Сяо И?

Лю И встрепенулся и откусил кусок булочки:

— Отец, матушка, вы приехали в столицу, императорский указ о браке исполнен. Теперь Тот,

Кто Наверху, должен наконец успокоиться, — он едва заметно кивнул в сторону неба, давая понять, кого именно имеет в виду.

— Оно, конечно, верно: чем дальше от императора, тем спокойнее, но... — Госпожа Лю печально вздохнула. — Ты ведь только-только сыграл свадьбу. Если мы уедем сейчас, кто знает, свидимся ли мы вообще когда-нибудь снова.

Генерал Лю, напротив, ненадолго задумался, а затем согласно кивнул:

— Сяо И дело говорит. Вот только мы не вольны сорваться с места по первому желанию. Чтобы вернуться в гарнизон, нам необходимо получить высочайшее соизволение.

Лю И прекрасно понимал, что получить разрешение на отъезд будет непросто. Главное — родители не противились этой идее. А уж подходящий предлог он как-нибудь придумает.

Расправившись с тремя булочками и осушив глубокую пиалу нежной рисовой каши, Лю И с удовольствием погладил себя по животу. Наконец-то он наелся.

Заметив, что сын сыт и доволен, госпожа Лю велела служанкам подать ягодный взвар, помогающий пищеварению. Глядя, как Лю И неспешно потягивает теплый напиток, она вдруг посерьезнела:

— Да, кстати. Насчет того дела, о котором мы толковали прошлый раз... Тебе пора поставить в нем точку.

— О каком деле речь? — Лю И удивленно воззрился на мать поверх чашки.

— О той благородной девице из приличной семьи, о ком же еще! — Госпожа Лю укоризненно покачала головой. — Сынок, послушай мать. Раз уж ты твердо решил построить крепкую семью со своим супругом, забудь о прежних глупостях. Хватит витать в облаках и метаться из стороны в сторону.

От этих слов Лю И поперхнулся чаем. Он закашлялся так сильно, что едва не выронил чашку, и еще долго не мог прийти в себя.

Когда дыхание наконец выровнялось, он со смесью досады и смеха уставился на мать:

— Матушка, помилуйте! Вы же еще пару дней назад настойчиво уговаривали меня взять жену и наложниц, чтобы продолжить род! С чего вдруг вы теперь требуете, чтобы я хранил ему верность до гробовой доски?

Госпожа Лю сердито зыркнула на сына:

— Да потому что ты у меня совершенно недогадливый! Заставил мать испереживаться на ровном месте.

"Постойте-ка, и тут я крайним оказался?"

Лю И лишь мысленно вздохнул. Впрочем, к подобным беспочвенным обвинениям со стороны родни ему было не привыкать, поэтому он лишь примирительно похлопал ресницами и благоразумно прикусил язык.

Женская душа — потемки, а женские причуды и вовсе не поддаются логике. На примере матери и сестры Лю И уяснил это раз и навсегда. Их мысли менялись со скоростью весеннего ветра. И вообще, о какой «счастливой семейной жизни» может идти речь? Оставим в покое то, что произошло пять лет назад. Но если взглянуть на теперешнего Ци Цзяня — разве он хоть отдаленно походил на человека, способного на спокойный домашний уют?

Вчера вечером Лю И из чистой вежливости поинтересовался, не желает ли его высочество выпить еще чаю перед сном. В ответ Ци Цзянь одарил его испепеляющим взглядом, процедил сквозь зубы: «Жить надоело?» — и яростно хлопнул дверью.

Лю И потом полночи ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь разгадать эту шараду. Обычное предложение выпить чаю — и вдруг «жить надоело»? Где здесь логика?

За окном бушевала весенняя гроза. Крупные, величиной с бобы, капли дождя с шумом барабанили по черепице, сливаясь в сплошной гул.

Третий принц, Хуа Цюн, сидел в кресле, мягко улыбаясь. Окинув взглядом собравшихся перед ним советников, он неторопливо произнес:

— Ну и каково ваше мнение? Как нам лучше поступить?

Присутствующие нерешительно переглянулись. Наконец вперед выступил Цяо Юань. Почтительно склонившись, он заговорил:

— Ваше высочество, по скромному мнению вашего слуги, хотя молодой господин Лю и сочетался браком...

Цяо Юань на мгновение замолк и украдкой покосился на Хуа Цюня. Убедившись, что принц сохраняет благодушное выражение лица, он смело продолжил:

—...это лишь пустая формальность. На деле их союз ничего не значит.

Эти слова прились Хуа Цюню по душе. Одобрительно кивнув, он жестом велел советнику продолжать.

Заметив одобрение господина, Цяо Юань приободрился:

— Раз уж этот брак заключен лишь на бумаге, разрушить его не составит труда. Судя по всему, генерал Лю пока не спешит принимать сторону усадьбы семьи Ци. А значит, у нас по-прежнему есть все шансы склонить его на нашу сторону.

Хуа Цюн снисходительно усмехнулся, сохраняя непринужденный вид:

— И как же ты предлагаешь действовать?

— Достаточно выслать генерала Лю из столицы, — заговорщически произнес Цяо Юань. — Молодой господин Лю сыновий долг ставит превыше всего. Стоит его родителям уехать, как он потеряет покой и ни за что не останется в усадьбе семьи Ци.

— И под каким предлогом мы его вышлем? — поинтересовался принц.

Цяо Юань опасливо огляделся по сторонам, сделал шаг вперед и, склонившись к самому уху Хуа Цюня, зашептал свой план.

Дождевые струи стекали с карнизов сплошной водяной завесой. Разбиваясь о серые плиты мостовой, они разлетались мириадами мелких брызг.

Ци Цзянь стоял у раскрытого окна и безучастно наблюдал за буйством стихии. Лишь когда порыв ледяного ветра заставил его зябко поплотнее запахнуть халат, он очнулся, закрыл ставни и медленно вернулся к столу. В тишине кабинета, нарушаемой лишь шумом грозы, он просидел довольно долго, пока сквозь гул ливня наконец не пробился тихий всплеск шагов на веранде.

— Вернулся? — негромко спросил Ци Цзянь, задумчиво покачивая в ладонях чашку с чаем. Его взгляд скользил по легкой ряби на янтарной поверхности напитка.

Промокший до нитки Сяосы стоял на галерее у входа, не смея ступить на чистый ковер в мокром бамбуковом плаще.

— Да, ваше высочество, — поспешно закивал слуга. — Молодой господин уже вернулся и сейчас отдыхает в своей усадьбе.

"Надо же, вернулся. И даже не остался на ночь"

Ци Цзянь искренне полагал, что в такой ливень Лю И найдет благовидный предлог остаться у родителей.

Он слегка прищурился:

— О чем они толковали?

Пока Лю И разговаривал с родителями, Сяосы преданно дежурил под дверью гостиной, а потому сумел расслышать почти каждое слово. Теперь он без утайки пересказал хозяину все самое важное.

Едва прозвучали слова о «возвращении на Запад», Ци Цзянь помрачнел. Он резко опустил чашку на лакированную столешницу — раздался сухой стук, и несколько темных капель выплеснулось на дерево.

Заметив это, Сяосы испуганно прикусил язык.

Кабинет вновь погрузился в гнетущее молчание, нарушаемое лишь заунывной песней ливня за стеной. Спустя долгое время губы Ци Цзяня тронула горькая, самокритичная усмешка:

— Пять лет назад именно он настоял на том, чтобы отправиться воевать в Западные земли.

Сяосы лишь сочувственно вздохнул, не смея ни поддакивать, ни перечить разгневанному господину.

— И вот прошло пять лет, а он по-прежнему спит и видит, как бы поскорее сбежать обратно в свои ненаглядные Западные земли, — тихо выговорил Ци Цзянь и единым глотком осушил остывший чай.

Отставив пустую пиалу, он тяжело нахмурился:

— Ступай, принеси бумагу и кисть.

Не понимая, что затеял его высочество, Сяосы торопливо сбросил намокший бамбуковый плащ и достал из шкафа письменный прибор: плотную бумагу, тушечницу, чернильный камень и кисть из волчьей шерсти.

Ци Цзянь аккуратно развернул белоснежный лист рисовой бумаги и бережно прижал его края парными нефритовыми прессами. Взглянув на них, он на мгновение заколебался, но тут же

взял себя в руки. Отведя глаза от подарка, он достал брусок драгоценной золоченой туши из Хойчжоу и принялся неспешно растирать ее в тушечнице, разводя водой.

С каждым круговым движением его руки тушь в каменной чаше становилась гуще и чернее. Глядя на сосредоточенное лицо хозяина, Сяосы почувствовал, как к горлу подкатывает тревога. У него было очень нехорошее предчувствие.

Опасения подтвердились. Ци Цзянь уверенно обмакнул кончик кисти в гляцевитую черную жижу и твердой рукой вывел на бумаге три крупных иероглифа: «Договор о расторжении брака».

Сяосы от страха едва не лишился чувств. Его лицо мгновенно сделалось бледнее полотна. Только-только сыграли свадьбу, молодой господин всего несколько дней вел себя как нормальный человек — и на тебе! Решил развестись?!

Прекрасно зная, какие безумства творил его высочество последние пять лет из-за безответной любви, слуга понимал: допустить этот развод нельзя ни в коем случае. Но если Ци Цзянь что-то вбил себе в голову, переубедить его было невозможно. Отчаянно ломая голову, Сяосы мысленно метался из стороны в сторону, до смерти боясь, что, как только этот свиток будет закончен, хозяин вновь пустится во все тяжкие.

Выведя заголовок, Ци Цзянь занес кисть над бумагой, но помедлил. Его взгляд невольно скользнул к нефритовому прессу.

Пресс не представлял особой ценности: обыкновенный белый нефрит, выточенный в форме двух маленьких лошадок. По камню шли мутные прожилки, да и сама резьба казалась грубоватой.

Это был подарок от Лю И. Вернее сказать — Ци Цзянь попросту отобрал его у него силой.

Припомнив те дни, юноша тихо, бесцветно вздохнул.

Сяосы заметил, куда устремлен взгляд господина. В его памяти тут же всплыла давняя история: изначально Лю И купил этих нефритовых коней, чтобы преподнести их в дар молодому господину Цзяну, но Ци Цзянь, устроив бурную сцену ревности, бесцеремонно забрал вещь себе.

И тут в голове сообразительного слуги созрел дерзкий план.

— Ваше высочество, — робко подал голос Сяосы. — Ваш покорный слуга тут кое-что вспомнил. Днем, во время беседы, госпожа Лю обмолвилась, будто у молодого господина есть...

Как он и ожидал, Ци Цзянь тут же оторвался от письма и пронзил его требовательным,

тяжелым взглядом.

"Молодой господин, не поминайте лихом! Дело государственной важности, пришлось пожертвовать вашей репутацией!"

Подавив вспыхнувшее чувство вины, Сяосы с самым серьезным и честным видом выпалил:

—...тайный возлюбленный.

Ци Цзянь резко швырнул кисть на стол. Брызги туши полетели в стороны, а его глаза опасно сузились:

— Что ты сказал? Какой еще возлюбленный?

— Самый настоящий, — замирая от страха, соврал Сяосы и продолжил вдохновенно сочинять на ходу: — Госпожа Лю строго-настрога наказывала молодому господину поскорее оборвать эту связь и не думать больше о прежней любви.

"Греховная связь? Прежняя любовь?"

В груди у Ци Цзяня шевельнулось недоброе предчувствие. Он нахмурился, лихорадочно перебирая в памяти первые годы их жизни в столице.

Этого просто не могло быть! В те годы Лю И буквально шагу не мог ступить без его ведома. Про учебу в Императорской академии и говорить нечего, но ведь даже в редкие дни отдыха Ци Цзянь под любым предлогом навязывался к нему в гости и торчал в усадьбе семьи Лю с утра до вечера. Будь у Лю И хоть малейший секрет, Ци Цзянь непременно бы об этом узнал!

Значит, это случилось позже? В те пять лет, что Лю И провел на западных рубежах?

Складка между бровями Ци Цзяня обозначилась еще отчетливее. Первые два года после отъезда Лю И в его собственной жизни царил сущий хаос, и ему действительно было не до слежки. Но в последующие три года верные лазутчики регулярно слали ему подробные отчеты, и в них не было ни единого упоминания о ком-то постороннем!

Неужели все произошло именно в те первые два года разлуки?

Пока он здесь, в столице, варился в котле придворных интриг и сходил с ума от тоски, Лю И мало того что ни разу не поинтересовался его судьбой, так еще и завел себе кого-то на стороне?!

С каждым мгновением обида и гнев душили Ци Цзяня все сильнее. В глубине его темных глаз вспыхнули яростные искры.

Поняв, что наживка заглочена, Сяосы поспешил подлить масла в огонь:

— Госпожа Лю сокрушалась, что молодой господин привязался к этому человеку всем сердцем и тоскует по нему уже не первый год!

"Привязался всем сердцем? Тоскует не первый год?!"

Ци Цзянь едва не задохнулся от хлынувшей волны ревности. Все сходилось до единого дня!

Он уставился на свеженаписанные иероглифы договора о расторжении брака. Его взгляд, казалось, мог прожечь бумагу насквозь. Юноша медленно провел кончиками пальцев по листу и зло зыркнул на слугу:

— И кто же этот подлец? Рассказывай, как он выглядит! С кем мой законный супруг крутит любовь за моей спиной?

<http://bllate.org/book/20072/2001755>